

меньшая половина человѣчества, при томъ себѣ и другой большей трудящейся половинѣ въ конечномъ счетѣ, во вредъ, ибо не получаетъ душевнаго удовлетворенія. Вспомните объ эпидеміи самоубийствъ среди этой половины. „Несчастіе нашей жизни, какъ мы, богатые люди, ни поправляемся, ни подпираемъ съ помощью науки и искусства эту нашу ложную жизнь, жизнь эта становится съ каждымъ годомъ и slabѣе, и болѣзненнѣе и мучительнѣе, съ каждымъ годомъ увеличивается число самоубийствъ, съ каждымъ годомъ мы чувствуемъ увеличивающуюся тоску нашей жизни“. („Такъ что же намъ дѣлать“. Стр. 129. гл. XXXIX“). Первая половина—каста съ очищенными ногтями, вставными зубами, дорогими одеждами, убранствомъ комнатъ, изысканными кушаніями. Другая каста полуголодныхъ, грязныхъ, неотдыхающихъ, безграмотныхъ, работающихъ по 16 часовъ въ сутки людей. На нихъ, непользующихся науками и техникой, лежитъ вся тяжесть подпиранія своимъ трудомъ и науки, и ученыхъ и тѣхъ кого Толстой называетъ „дармоѣдами“, („Такъ что же намъ дѣлать“. Стр. 131) ¹⁾). Переходъ изъ нисшей въ высшую касту возможенъ съ помощью науки т. е. образования. Невольно возникаетъ вопросъ. Стоить ли мишера современныхъ цивилизаций и культуры не удовлетворяющая даже лучшихъ одной, верхней половины человѣчества, чтобы страдали и умирали во имя ея люди другой, низшей.

„Неужели такъ надо?“—мучительно спрашиваетъ Толстой (см. статью того же названія).

Достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобы понять: въ чёмъ прежде всего коренится отрицательное отношеніе Толстого къ наукѣ, правильнѣе, къ той чертѣ современной науки, съ государственной печатью на устахъ, что она, дѣля человѣчество на двѣ касты—ученыхъ и невѣжественныхъ, разверзаетъ между ними, по утвержденію Л. Н. Толстого, глубокую соціальную пропасть, какую нельзя заполнить однѣми книгами, хотя и самыми доброжелательными.

¹⁾ Мысль о двухъ кастахъ, создающихся образованіемъ, явилась у Толстого еще въ 1864 г. См. „Прогрессъ и опредѣленіе образованія“. Ср. также „Мысли, вызванныя переписью въ Москву“.